

Куроптева Алиса

10 класс, школа №22, город Пермь

Рецензия на спектакль «Пьяные» (Пермский академический Театр-Театр)

Пьеса современного драматурга Ивана Вырыпаева пользуется спросом у различных режиссеров. Так, например, 6 мая 2017 года Андрей Могучий представил питерскому зрителю своё видение этой пьесы в БДТ им.

Г.А.Товстоногова. Или первая постановка – спектакль «Пьяные» Виктора Рыжакова на сцене ЦИМа.

В Пермском академическом Театре-Театре пьесу «Пьяные» поставил один из самых востребованных режиссеров России – Марат Гацалов. Музыка написал известный современный композитор Сергей Невский.

Пьесу «Пьяные» Иван Вырыпаев написал для немецкого театра, поэтому имена героев европейские. Драматургу нужно было как-то оправдать крик персонажей; он решил сделать их пьяными – отсюда и огромное количество ненормативной лексики в произведении. Для Марата Гацалова наличие нецензурной брани было одним из главных затруднений. Из-за закона РФ о запрете мата в театре, кино и СМИ режиссеру пришлось подкорректировать авторский текст, сохранив при этом непринужденность и отсутствие пафоса. (По мнению И. Вырыпаева: «Мат там нужен, чтобы снять пафос. Это как в средневековье, карнавальное очищение фарсом. Тогда истина, наоборот, звучит чище и громче».)

В пьесе Вырыпаева для каждой сцены есть своё место действия: улица, вегетарианский ресторан, домашние апартаменты. Марат Гацалов решил обойтись без лишних декораций; место действия мы узнавали лишь со слов самих героев.

Разные режиссеры по-разному изображали опьянение персонажей. В БДТ, например, планшет сцены представлял собой наклоненный прямоугольник, на который проецировалось световое изображение пересекающихся под прямым углом темных полос, отчего получалась сетка, по которой скользили герои. Марат Гацалов сделал сцену крутящейся. Герои передвигались по трём разномасштабным кругам, которые двигались с разной скоростью в противоположные стороны. Это заметно мешало актёрам физически: их движения становились развязней, а позиция была менее устойчивая, они чуть ли не падали, но создавало благоприятные условия для «вхождения» в роль. У зрителя начинала кружиться голова, возникало некое состояние гипноза, что позволяло лучше проникнуться атмосферой спектакля, быть «на одной волне» с героями.

Простые геометрические фигуры всегда несли в себе множество смыслов и оказывали определенное воздействие на человека. Круг, например, это символ вечности, бесконечности. Данная форма располагает зрителя и готовит его к поднятым в последствии глубоким темам, о которых так смело говорит автор.

С первых минут спектакль произвёл на меня сильное впечатление. Начинался он с видеоизображения на экране, где без остановки вращалась окружность, напоминающая космические тела, в голове возникли ассоциации с планетами, сферой. Подсознание продолжало набрасывать варианты того, что могло это значить. Я заметила невероятное сходство с футажом (небольшим роликом в начале фильма) в виде обратного отсчета, подобные заставки раньше были в фильмах, снятых на 35-мм киноплёнку. Мой мыслительный процесс остановило приближение этого изображения. Вот на экране уже не планета, не космос, а два человека, лежащих в позе эмбриона на вращающейся поверхности. Картинка напоминала «инь и янь». От чего-то бесконечно большого и всеобъемлющего мы плавно перешли к приземленному. Наверное, режиссер хотел показать, насколько малы люди

по сравнению со вселенной, насколько они беспомощны и незащищены. Только потом становится понятно, что изображение на экране – проекция сцены.

Итак, круглая вращающаяся сцена, на которой лежат два человека в позе эмбриона. Видеоизображения больше нет. Что же дальше?

Дальше началось знакомство непосредственно с героями. Первое время было сложно понять их сумбурную пьяную речь, присутствие чего-то «большого» и «глубокого» постепенно уходило, возникал интерес к самим персонажам, которые уходили, приходили, лежали на сцене, говорили, пытались устоять на месте. В какой-то момент одна героиня, Марта – молодая девушка, достала видеокамеру и начала снимать себя, изображение отображалось на экране, чтобы зрители могли видеть, что она снимает. Говорила она при этом про любовь. Она признавалась в любви незнакомому мужчине, Густаву, который был со своей женой, Лорой. В браке он не получал той любви, о которой говорила Марта. Она направила камеру на него, его лицо выражало все светлые эмоции, именно такое лицо у человека, которому признаются в любви. Свой текст героиня продолжила, но камера уже была направлена на зрителя. Все эти слова она говорила нам, сидящим за «четвертой стеной». Таким образом, зритель становился действующим лицом, испытал на себе те же эмоции, что и персонажи.

Самый яркий герой, на мой взгляд, получился у Альберта Макарова. Его герой Лоуренс, включив свет в зале, поучает свою жену, Магду, Карла и Линду, а вместе и с ними и затаившего дыхание зрителя не жалеть себя, а жить безо всякого страха, начать действовать. Макаров так четко и яростно «вбрасывает» этот монолог в зрителя, будто сам Господь говорит его устами.

До этого все герои были очень пьяны, но Макаров ломает эту систему, будто говоря, что состояние опьянения в данном случае не играет никакой роли. Это подчеркивает важность его слов. Происходит некий диссонанс, ибо

Лоуренсу принадлежат слова «Господь говорит с миром через пьяных», но вот сейчас он, трезвый и слегка возбужденный, пытается донести до остальных, что главное – не бояться. После длинного монолога актер запрыгивает на сцену – громкий щелчок пальцев – и его герой снова пьян.

Ещё одной интересной особенностью этого спектакля является музыка, написанная специально для него композитором Сергеем Невским. На этот раз музыканты располагались не традиционно в оркестровой яме, а находились по всему периметру зала. Музыка буквально «заточала» зрителя. Сидя в центре, можно было услышать слияние звуков, которые то нарастали, то резко обрывались. Сочетание картинки и музыки было настолько органичным и тонким, что невозможно представить их друг без друга. Необычные космические звуки воспринимались как звон в ушах, максимально приближали к эффекту опьянения. Они как бы служили фундаментом для восприятия текста: пронзительные гипнотические ноты погружали в некий транс, из-за чего текст звучал как мантра, как какие-то учения, заповеди, которые имели ещё более поучительный характер при отсутствии музыки.

Особенную космическую атмосферу создавал Илья Пашнин – художник по свету. Сцена была постоянно в каких-то мистических оттенках. Иногда превосходствовал холодный синий, иногда сцена была залита ярким желтым солнечным светом, который исходил из порталных кулис, из-за чего на пол сцены падали красивые тени от стоящих на ней декораций: детских лошадок и каруселей.

Пьеса Вырыпаева в постановке Марата Гацалова стала чем-то таинственным и самобытным. Он очень удачно выловил главные смыслы пьесы, расставил акценты и убедил зрителя поверить в эту историю, проникнуться ей. Зритель был будто в заточении этого волшебства, принимая непосредственное участие, являясь центром развития и поиска смыслов. Режиссёр лишь

направлял мысли зрителя в нужное русло, оставляя огромный простор для воображения и обдумывания происходящего.

Для каждого «Пьяные» свои. Для кого-то это шёпот в сердце, для кого-то любовь, для кого-то Бог. Кто-то увидел в этом любовную трагедию, кто-то - нравоучения и мотивацию. Некоторые наслаждались великолепной композицией Сергея Невского, некоторые пришли посмотреть на игру любимых актёров. В любом случае все ушли со своим мнением и целым багажом мыслей.

Пермский зритель чётко поделился на два лагеря. Первые, любители проверенной классики, категорично поставили спектаклю «дизлайк», выходя из зала в середине показа, вторые же хлопали стоя, восхищались гениальностью и бежали покупать билеты, чтобы сходить ещё раз.

Плохие или хорошие – отзывы есть, а, значит, спектакль произвёл впечатление, не оставив равнодушным никого.

Лично меня очень потрясла постановка Марата Гацалова. От невероятной эстетики и потрясающей музыки просто кружило голову. Актёры больше служили носителем информации, проводником. Герои пьесы Вырыпаева стали настоящими людьми, за каждым скрывались какие-то проблемы и принципы. Два с половиной часа прошли очень быстро и продуктивно, ведь мозг был в постоянной работе, запоминая при этом понравившиеся фразы; подсознание тщательно пыталось провести какие-то параллели, выстроить ассоциативный ряд.

Это тот случай, когда ты задерживаешь дыхание в первые же секунды спектакля и вспоминаешь о том, что не дышал, только когда актёры идут на второй поклон.

Как сказал об этом Борис Мильграм – художественный руководитель Пермского академического Театра-Театра: «Это – дорогое вино, его не надо пытаться понять, попробуйте ему отдаться».